

КОСМОЛЁТ «ОЧУМЕЛЫЕ РУЧКИ»

Сергей ЧЕБАНЕНКО.

Запись переговоров между Центром управления полётом «Москва» и интернациональной орбитальной лунной станцией:

— ЦУП, «Инолус» на связи, ответьте!

— Привет, Лёва! Что за срочность?

— Здравствуйте, шеф! У меня вопрос по установке для кристаллизации «Сплав». В неё действительно загрузили одинаковые ампулы?

— Э... Насколько я знаю, да. А в чём дело?

— Я забирал в модуле «Уэллс» инструменты и увидел, что крышка «Сплава» немного сдвинулась. Видимо, замок открылся из-за толчка при стыковке со станцией. Заглянул внутрь... У трёх ампул из двадцати не серая, а красновато-оранжевая окраска. Я не утерпел и взял одну ампулу на исследование.

— Лёва, хочу тебе напомнить, что у вас со Стеллой послезавтра выход в космос. Ещё нужно подготовить скафандры... Ты бы не отвлекался на мелочи, а?

— Хорошо, займусь анализом после выхода. Пусть ампула пока полежит в моей каюте.

✱

Перехват разговора объекта «Фирмач» с неизвестным лицом:

— Какого чёрта ты сюда звонишь?! Мы же оговорили систему связи...

— Есть проблема... Зайчонок обнаружил наши ампулы.

— Так... Он уже знает, что внутри?

— Нет, он собирается заняться анализом после выхода в космос.

— Ты получишь деньги за эту операцию только при условии, что она закончится успешно. Поэтому будь добр: сделай так, чтобы Зайчонок ничего не узнал.

✱

Отсюда, со стороны грузового корабля «Кентавр», «Инолус» очень похожа на огромный зонт с толстой и короткой ручкой.

Перекрытие из четырёх состыкованных под углом девяносто градусов друг к другу исследовательских модулей насажено на ступицу, образованную сцепкой бытового

и базового блоков. К левому исследовательскому модулю пристыкован наш «Лунник» — лунный научно-исследовательский корабль. К правому — короткохвостый и крупноголовый американский «Мудр», «Мун Драгон», сиречь «Лунный Дракон». На зенитном модуле продолговатой со- сиской с фарой спускаемого аппарата на конце висит автономный грузовой корабль «Герберт Уэллс» Европейского космического агентства, зашедший на пару недель к нам в гости с партией грузов. Внизу, на надирном модуле, для полной симметрии не хватает бесформенной громады «Селенита». Лунный корабль три дня назад ушёл на базу «Селена» в Океане Бурь. Исследовательская программа для Маши Серовой, Гжегожа Ступака, Чарли Робертсона и Гао Лювэя рассчитана на два месяца работы на лунной поверхности.

Выше модульного перекрестья «Инолуса» на металлических конструкциях, установленных на верхнем торце станции, развёрнуты сиреневые поля солнечных батарей. Они-то и довершают полностью картину огромного четырёхугольного космического «зонта» с короткой толстой ручкой.

— Спишь, Трофимыч? — с лёгкой насмешкой в голосе спрашивает Стелла Уилсон. Моё отчество звучит в её устах мягко и по-домашнему, почти интимно.

Она уже погрузила внутрь шлюза базового блока снятый мной комплект стыковочной аппаратуры с «Кентавра» и теперь, проворно перебирая руками по поручню, вновь приближается к грузовичку. Стелла — пышнотелая и весьма активная афроамериканка, сама себя прозвавшая Ночкой, как она выразилась, «в целях окончательной расовой толерантности», — наловчилась очень ловко и быстро работать в выходном скафандре. Я же, напротив, не суечусь и делаю своё дело, может и несколько медленно, но зато основательно и надёжно.

— Отдыхаю, — нехотя отзываюсь я. — Мы с тобой практически полностью закончили демонтаж. Осталось снять крепление антенны.

Я действительно устал за пять часов работы в космосе. Если Стелле заранее была отведена роль подмастерья, таскающего для мастера инструменты и уносящего снятые с «Кентавра» грузы, то основная слесарная работа выпала мне. А крутить гайки в невесомости — пусть даже и с помощью универсального шуруповёрта — далеко не так уж легко, как может показаться. Кисти рук и предплечья постепенно налились свинцовой тяжестью усталости.

На конкурсе ежегодного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» рассказ С. Чебаненко «Космолёт "Очумелые ручки"» удостоивается специального приза журнала «Наука и жизнь».

Главным условием конкурса было использование реально существующей космической технологии в качестве сюжетобразующего элемента.

Меня от Ночки отделяет всего каких-то три метра. Я завис в пространстве почти у середины «Кентавра», над грузовой рамой между стыковочным и топливным отсеками. Грузовичок с Земли пришёл к нам неделю назад. Мы быстро перетаскали из него грузы внутрь станции, перекачали доставленное топливо, и теперь осталось только снять с поверхности стыковочного отсека ненужное больше оборудование для сближения «Кентавра» с «Инолусом». Через несколько дней грузовик разделится надвое: стыковочный отсек останется в составе лунной станции, чтобы после дооснащения принять ещё парочку модулей с Земли, а хвост «Кентавра» — топливный и агрегатный отсеки — отправятся в путешествие к Солнцу.

— Как у русских говорят: умучился после трудов правильных? — глядя на мою расслабленную позу, интересуется миссис Уилсон.

— Умаялся после трудов праведных, — почти автоматически поправляю я. Ещё в начале полёта мы со Стеллой условились, что она при необходимости будет корректировать мой английский, а я — следить за её русским. Учиться всегда полезно, даже во время полугодовой лунной экспедиции.

— Отдыхай, мой Зайчонок, — с игривым хохотком разрешает Ночка.

«Мой Зайчонок»... При таком великолепном сочетании имени и фамилии — Лев Зайчонок, — дабы попытаться отделаться от тягущегося за мной от рождения шлейфа плоских шуточек, мне ничего иного в жизни не оставалось, как выбрать себе какую-нибудь оригинальную профессию из числа тех, которые принято называть мужественными, и добиться в ней немалых успехов. Кажется, мне это удалось: я совершаю уже шестой космический полёт, а до пенсии ещё очень и очень далеко.

— Ребята, через минуту мы уйдём на неосвещённую часть орбиты, — напоминает из динамиков скафандра Астрид Йенсен. Она сегодня дежурит на пульте управления «Инолуса», контролируя наш выход. — Устроим перекур?

Я бросаю взгляд на планшет-компьютер, закреплённый на левом рукаве скафандра. Полчаса «курить» в лунной тени — это многовато. Лучше уж закончить работу «при фонарях» и вернуться на станцию.

— Мы продолжим работу, Астрид, — говорю я. — Осталось сделать совсем немного. Две гайки отвернуть...

Вот именно в этот момент всё и началось.

— Дым слева из-под приборной панели, — удивлённо произнесла Астрид и тут же испуганно вскрикнула:

— Пожар в базовом блоке!

В наушниках протяжно заныла сирена, загоняя в сердце острый коготь тревоги. Но почти сразу смолкла, оборвалась после громкого и резкого щелчка. Наступила тишина — ватная, как тяжёлое и плотное одеяло, которым можно укрыться с головой и разом перестать слышать все звуки. Связь пропала.

Бормоча что-то из чертовско-материнской лексики, я устремился в сторону открытого люка на базовом блоке. При аварийной ситуации космонавтам предписывается как можно быстрее вернуться на борт «Инолуса».

Я почти достиг стыка между «Кентавром» и станцией, когда мир раскололся надвое. Цилиндрическое тело грузового корабля подо мной резко дёрнулось и, заваливаясь на бок, ринулось прочь от ствола и раскидистой кроны «Инолуса» — словно порыв ветра вырвал огромный зонт и уносил его прочь, оставив на Земле лишь жалкий пенёк крепления. Хотя на самом деле всё было совершенно иначе: это я, стоя верхом на «Кентавре», оторвался от лунной станции и, теряя ориентацию, теперь дрейфовал куда-то в сторону Луны.

— Станция, произошло отделение грузовика! — что было мочи рявкнул я в микрофон. — Аварийная ситуация!

Эфир ответил гробовым молчанием. «Инолус» стремительно валился влево и уходил вверх.

И тут на меня обрушилась тьма. Мы нырнули в лунную тень, на неосвещённый солнцем участок орбиты.

✱

— Станция, ответьте... Зайчонок на связи... — ещё минут пять я с настойчивостью запрограммированного автомата монотонно и совершенно безрезультатно ронял слова в безмолвье эфира.

Больше всего мне сейчас хотелось проснуться. Зажмурить глаза, сосчитать до пяти и распахнуть веки навстречу радостному и солнечному утру — чтобы от этого дурного сна не осталось и следа. Но ночной кошмар мне попался привязчивый, цепкий и, увы, реальный.

Мне понадобилось минут пять, чтобы привести взбаламученные нервы в состояние относительного спокойствия и заняться трезвой оценкой ситуации. Ничто так не способствует процессу аналитического мышления, как полёт верхом на оторвавшемся от станции грузовике над ночной стороной Луны.

Так не бывает. Чтобы три очень серьёзные и не связанные между собой непри-

ятности случались практически одновременно.

Неприятность первая. Пожар на «Инолусе». Я мысленно перенёс себя на пост оператора в базовом блоке станции. Слева под приборной панелью расположена система управления поиском и стыковкой. Эта система во время выхода в космос не работает и обесточена. Значит, сама по себе она не могла стать источником задымления и пожара. Пожар кто-то должен был устроить намеренно.

Из-за возгорания в системе поиска и стыковки «Инолус» временно ослепла. Поэтому не сможет принять ни один корабль. И меня верхом на «Кентавре» тоже обнаружить не сможет. Повреждённое оборудование ребята, конечно, восстановят — два-три дня уйдёт. До истечения этого срока и меня и «Кентавр» никто со станции искать не будет. Просто нечем нас искать. Разве что с помощью биноклей...

Переходим к неприятности номер два. Пропала и не восстанавливается радиосвязь. Пропала почти мгновенно по основному и резервному каналам. Пожар в системе поиска и стыковки никогда бы не привёл к выходу из строя систем радиосвязи. Одновременно оба канала связи может отключить только человек.

Ну и на десерт третья неприятность. «Кентавр» не дикий жеребец, которого под хвост ужалила оса. Сам от станции он отделиться никак не мог. Значит, кто-то разомкнул механические замки стыковочного узла, и пружинные толкатели отшвырнули грузовик от станции. Сделал это кто-то очень нехороший и с очень дурными намерениями.

Суммируем. За всем этим ворохом гадостей явно просматривается чья-то злая воля. Вот только чья?

Стелла, Астрид и Хосе, — я несколько не сомневаюсь, — быстренько справятся с возгоранием. В Хьюстоне и в Звёздном городке их всё-таки недурно подготовили на случай всяких там экстремальных ситуаций.

Радиосвязь тоже восстановить не проблема. Ну, в конце концов, заменят ребята парочку каких-нибудь закапризничавших электронных блоков. Или расконсервируют системы связи в «Луннике» либо на «Мудре», — они тоже позволяют напрямую общаться и с Землёй, и с лунной базой.

А вот отделение «Кентавра» — это уже очень серьёзно. И совсем не потому, что на нём в данный момент сижу я. Дело в том, что мы с Ночкой уже сняли со стыковочного отсека всю аппаратуру для сближения грузовика с «Инолусом». Корабль теперь состыковать с лунной станцией невоз-

можно. А если на нём вдобавок включилась программа самоликвидации...

Противные мурашки строим протопали у меня по спине. Программа ликвидации не сулила сидящему на макушке грузовика пилоту Зайчоку ничего хорошего. После выхода из лунной тени «Кентавр» ориентируется на Солнце закруткой вокруг продольной оси, построит курсовые углы и включит маршевый двигатель. Движок даст совсем небольшой импульс, и корабль уйдёт из сферы притяжения и Земли и Луны в последний полёт к Солнцу. Вернуться с той ликвидационной траектории будет уже невозможно.

Я взглянул на планшетку. До выхода корабля из лунной тени оставалось около десяти минут. Десять минут терпения, и я узнаю — жить мне или склеивать ласты.

Конечно, управление «Кентавром» сейчас можно перехватить с Земли. Но если связь нарушена, в Центре управления полётом просто не успеют сориентироваться в ситуации. Там ведь работают обычные люди, а не ясновидящие.

Самое обидное, что мне самому сделать ничего нельзя. Я никак не смогу добраться до системы управления «Кентавром», которая находится в его агрегатном отсеке. А если бы и добрался, то всё равно ничего бы не смог с ней сделать. Режим ручного управления в ней просто не предусмотрен.

Значит, мне остаётся только отрешённо наблюдать за приближением собственной смерти. Или отцепить крепёжный фал от корабля, оттолкнуться от стенки стыковочного отсека и уйти в свободный полёт вокруг Луны. Что равносильно самоубийству, поскольку ресурсы скафандра не беспредельны. Несколько часов — и всё. Ты был славным парнем, Лев Трофимович Зайчонок.

✱

Я ещё десяток-другой секунд раскачивался в волнах захлестнувшего меня пессимизма, пока не сообразил, что под ногами у меня есть твёрдая поверхность стыковочного отсека.

А он вовсе не единое целое с «Кентавром». Его можно отделить вручную! Нужно только раскрыть четыре стяжки-крепления между грузовой кольцевой рамой на торце отсека и её опорами на «Кентавре». Тогда у меня будет шанс всё-таки остаться на окололунной орбите. И дожидаться помощи.

Я отцепил фал от якоря на стыковочном отсеке, развернулся и, перехватываясь руками за продольный поручень, двинулся в сторону грузовой рамы.

Стяжки были стандартными, ленточного типа и крепились каждая всего парой крупных болтов. Я достал из рабочей сумки скафандра шуруповёрт, установил его на

гайку одного из болтов и нажал спусковую скобу. Вж-ж-жик — и болт свободно вышел из резьбы на гайке. Так, теперь следующий. Раз — и готово. Сколько по времени заняла вся операция? Я взглянул на планшетку. От силы прошло около минуты. Значит, на три оставшиеся стяжки для полного отделения стыковочного отсека от хвостовой части «Кентавра» мне понадобится минут десять — это с учётом перемещения между стяжками. Если грузовик действительно начнёт строить ликвидационную ориентацию на Солнце, я, пожалуй, успею отцепить от него стыковочный отсек.

До выхода из тени оставалось уже меньше минуты. Сердце переместилось куда-то едва ли не к горлу и бешено колотилось. Виски сжал невидимый стальной обруч. Нервишки — они и на окололунной орбите нервишки.

Корабль вышел на освещённую часть орбиты почти мгновенно. Было темно — и вдруг, словно кто-то щёлкнул выключателем, всё пространство залил ослепительный солнечный свет.

Мои худшие ожидания оправдались. Едва датчики грузовика уловили солнечные лучи, «Кентавр» включил двигатели ориентации и принялся разворачиваться носом в направлении на Солнце, то есть строить солнечную ориентацию. И значит, готовиться к уходу с окололунной орбиты.

— Вот тут, дружок, — вслух проникновенно произнёс я, — наши с тобой дорожки расходятся. Я вовсе не горю желанием отправиться в полёт к Солнышку без обратного билета...

Медлить было нельзя. На раскрытие трёх оставшихся креплений у меня ушло больше времени, чем я планировал, — минут двадцать. Дальше всех я провозился с третьей по счёту стяжкой: один из болтов никак не хотел расставаться с гайкой. Но всё же я успел. Грузовик ещё только поблёскивал микровключениями двигателей ориентации, готовясь к старту, выстраивал ориентационные углы, а тело стыковочного отсека уже вздрогнуло, освободившись от четвёртой, последней стяжки, и, медленно разворачиваясь, стало отходить от хвостовой части «Кентавра».

И вовремя! Расстояние между стыковочным отсеком и хвостом корабля было всего метров двадцать пять — тридцать, когда грузовик на мгновение замер, словно остановился в пространстве над Луной. А потом из его маршевого двигателя вырвалась яркая оранжевая лента горячего газа. Укоротившийся после отделения стыковочного отсека «Кентавр» стремительно рванул прочь от Луны, разгоняясь и уходя в свой последний полёт к Солнцу. Корабль быстро удалялся и уже через пару минут стал похож на размытое пятно, потом на яркую звезду, а затем и

вовсе растворился в бликах солнечных лучей на стекле гермошлема моего скафандра.

✱

Вращаясь вокруг всех трёх пространственных осей, стыковочный отсек дрейфовал по лунной орбите.

Непосредственная угроза для жизни миновала, и у меня прорезалось острое желание оценить в целом шансы на спасение.

Ресурсов скафандра хватит ещё примерно на восемь с половиной часов. А потом начнутся большие проблемы.

С Земли до окололунной орбиты за восемь с хвостиком часов не долететь. Поднимать с лунной базы «Селенит» тоже нет смысла: на нём топлива — только на стыковку с «Инолусом».

Спасить меня можно с помощью американского «Мудра» или нашего «Лунника». Сесть в один из транспортных кораблей и отправиться на поиски стыковочного отсека и принимающего на его поверхности солнечные ванны Лёвы Зайчонка. Для выполнения этой операции нужно, чтобы на станции нормально работали системы радиосвязи, поиска и стыковки. А они, как на грех, — по «счастливой» случайности, да? — вырубались. Значит, на транспортном корабле требуется найти опытного пилота для «слепого» поиска. Но Стелла Уилсон — бортинженер, Астрид Йенсен — астрофизик, Хосе Умберто Лопес — селенолог. А единственный пилот «Инолуса» сидит сейчас на макушке оторвавшегося отсека и ждёт спасателей.

Поэтому спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Получается, что перспективы более чем туманны. На стыковочном отсеке нет ни двигателей, ни системы управления. Как ни крути, мне осталось только восемь с половиной часов жизни.

Что у меня ещё есть кроме скафандра? Правильно, герметичный отсек с возможностью многократного обновления атмосферы. Поэтому врётся, не возьмешь, косящая!

Я переместился к боковому входному люку и стравил давление из отсека с помощью дренажного клапана почти до нуля. Несколько раз повернул баранку запорного штурвальчика, открыл массивную крышку и аккуратно забрался внутрь стыковочного отсека.

✱

— Ну-ка, подсчитаем наши жизненные ресурсы, — сказал я вслух, как только отсек снова наполнился воздухом. Я снял перчатки и поднял стекло гермошлема.

Воды в ёмкости для питья литра полтора. Питательной каши в сосуде, закреплённом около подбородка внутри гермошлема, где-то на четыре лёгких завтрака. А воз-

духа: дыши — не хочу! Поглотители углекислоты в стыковочном отсеке работают нормально, поэтому воздуха хватит дней на десять. С электроэнергией вообще нет проблем, — аккумуляторы отсека рассчитаны на полгода автономной работы.

Живём, братцы! Судьба наконец-то послала мне робкую улыбку, и я получил

десятисуточный гарантированный бонус на выживание.

Настроение у меня пошло вверх, как столбик ртути в термометре на летнем солнышке. Системы связи и поиска на «Инолусе» ребята отремонтируют. Мой отсек обязательно отыщут и снова состыкуют с лунной станцией.

Правда, есть одна маленькая сизая тучка на солнечных горизонтах надежды. Если стыковочный отсек найдут уже тогда, когда у меня давно закончатся еда и вода...

Я представил себе, как в этом хорошо освещённом стыковочном гробу будет плавать моё иссохшее и исхудавшее тело, и настроение снова круто спикировало вниз.

✱

Если хорошенько поразмыслить над сложившейся ситуацией, то можно прийти к весьма любопытному выводу. Вся эта кутерьма с тремя якобы случайными нештатными ситуациями на «Инолусе» имеет хоть какой-то смысл, если главной целью неизвестного злоумышленника был персонально я. Если я кому-то перешёл дорогу и этот кто-то решил со мной разделаться, выдав на станцию пакет вредных команд.

Залётных хакеров-террористов отмечаем напроочь: ни одна команда не пройдёт без спецключей — паролей, которые часто меняются и которые знают очень немногие.

Значит, пакостные команды мог выдать только кто-то из своих. Из тех, кто знает пароли и имеет доступ к системе управления.

Теоретически это мог сделать кто-нибудь из нашего экипажа. Если он, конечно, сошёл с ума. Или решил покончить жизнь самоубийством, заодно прихватив с собой семерых коллег по лунной экспедиции. Но я что-то среди нашего дружного международного коллектива таких «героев» не наблюдаю. Заявляю об этом со всей ответственностью как командир станции.

Поэтому пакет вредительских управленческих сигналов мог прийти на «Инолус» только с Земли.

Команды на борт лунной станции могут отдаваться из трёх центров управления: из Хьюстона в Штатах, Евроцентра во французской Тулузе и нашего родного подмосковного Королёва. Подозрения с Хьюстона и Тулузы снимаем: все три команды были выданы на российский базовый блок «Инолуса». Без участия нашего Центра это сделать невозможно. Поэтому у нас на рассмотрении остаётся лишь Центр управления полётом в городе Королёве Московской области.

А в подмосковном Центре такой пакет команд могут выдать на борт только четыре человека: руководитель полёта Игнат Бикешкин и три его зама — Сергей Янчук, Леонид Туров и Марк Скрынник. Точка.

✱

Чем я мог насолить одному из этой четвёрки управленцев: Бикешкину, Янчуку, Турову или Скрыннику?

Старая неприязнь или месть. Вряд ли. Ни с одним из них я практически не был

знаком до полёта. В околоземных рейсах со мной работали другие управленцы. Значит, что-то произошло уже в ходе самой экспедиции. Что-то настолько опасное для одного из этой четвёрки, что он решил меня убить.

Я принялся тщательно, день за днём просеивать все мало-мальски значимые события за полтора месяца космической миссии на «Инолусе». Хотя, в общем-то, почти сразу догадался, что причина всех моих бед — десятисантиметровый цилиндр из жаропрочного стекла. Ампула со «Сплава».

«Сплав-5Л» — это технологическая установка для получения металлических и оптических материалов из смесей различных веществ. Работает в невесомости и вне воздействия магнитных полей и гравитационных возмущений по методу электронагрева с направленной кристаллизацией. Полностью автоматизированная рабочая камера располагается в возвращаемом на Землю отсеке «Герберта Уэллса». В этом полёте планировалось вырастить металлические кристаллы. Они, как правило, серо-стального цвета. И я был очень удивлён, когда увидел, что три ампулы из двадцати, загруженных в «Сплав» ещё на Байконуре, имеют аномальную красно-оранжевую окраску.

Когда я их обнаружил, на связи был Игнат Фёдорович Бикешкин...

Но вовсе не факт, что именно он — виновник: наш разговор вполне мог слышать один из его заместителей.

В наушниках скафандра оглушительно затрещало и раздался встревоженный голос Ночки:

— «Инолус» вызывает Зайчонка! Лев, отвечай! Трофимыч, где ты?

Ребята восстановили радиосвязь! Я чуть не заорал от радости. Но вовремя прикусил язык.

Если злоумышленник действительно из четвёрки управленцев и если он узнает, что я остался жив, то сделает всё, чтобы меня добить. Поэтому мне нужно затаиться и молчать. У моего неизвестного врага должна быть стопроцентная уверенность в том, что я погиб.

Я сейчас был практически беспомощен. А вредитель из подмосковного ЦУПа — всесилен. Если бы я отозвался, он вполне мог сделать ещё один ход, который гарантированно меня бы убил.

Самый простой ход был и самым страшным: выдать команду на одновременную разгерметизацию всех отсеков «Инолуса». Мой противник с таким высоким статусом в системе управления станцией вполне бы мог это сделать.

Мне представилось, что я, безоружный, стою под прицелом пулемётчика, лицо которого скрыто под маской. Малейшее

моё шевеление, и он стреляет. А за моей спиной — ещё трое заложников: Стелла, Астрид и Хосе...

✱

Предателя среди четвёрки управленцев можно попробовать выявить. Снять с него маску. Он сейчас в таком психологическом состоянии, что при малейшей опасности обязательно себя выдаст.

Но для этого мне нужен индивидуальный канал связи с американским или европейским центром управления полётом. Такой канал, о существовании которого никто бы в московском ЦУПе не знал. Станцию и «Лунник» мой противник может как-то прослушивать. А вот американский «Мудр» — вряд ли. На штатовском транспортнике используется другая частота для общения с Землёй. Значит, нужно дистанционно включить систему связи на «Мудре» и связаться с Центром управления полётом в Хьюстоне. Например, с моим старым и добрым знакомым доктором Джереми Фейтом. Для этого потребуются подобрать соответствующие кодовые команды в базе данных на моей планшете. Затем перенастроить передатчик скафандра на частоту американского «Лунного Дракона». И ещё мне нужна антенна, сориентированная на пристыкованный к станции «Мудр».

А вот этой-то антенны у меня и нет. И сориентировать беспорядочно болтающийся стыковочный отсек мне нечем — на нём нет ни двигателей, ни системы управления.

✱

Когда я попадаю в безвыходные ситуации, у меня всегда разыгрывается жуткий аппетит. Вот и сейчас желудок настоятельно потребовал перекуса.

Никогда не подозревал, что жиденькая питательная кашка и несколько глотков посеребрённой воды оказывают такое стимулирующее воздействие на процесс мышления!

К концу трапезы я уже совершенно ясно представлял, что и — самое главное! — как мне делать.

В качестве антенны вполне сгодится та самая грузовая рама, которая связывала стыковочный отсек с остальной частью «Кентавра».

Двигателей на моём отсеке нет. Но зато внутри него есть огромный торовый бак со сжатым азотом, который используется для продувки трубопроводных магистралей после дозаправки станции топливом из очередного грузовика. А на внешней поверхности отсека имеется кольцо с двенадцатью отверстиями, через которые сбрасывается отработанный газ. И если на это кольцо установить с помощью пасты

герметика из ремонтной сумки на моём скафандре разнонаправленные сопла самой примитивной конструкции, то получится простейшая двигательная установка малой тяги, работающая на сжатом газе. Включая по очереди перепускные клапаны, сравнительно лёгкий — тонны полторы, не больше, — стыковочный отсек вполне можно будет сориентировать в пространстве по всем трём осям. А сопла проще всего вырезать из фольги, обрамляющей в виде цилиндрической юбки раму, которой предстоит в ближайшем будущем стать антенной.

Ещё нужно определить положение моего отсека в пространстве и сориентировать его на «Мудр».

Я съел дополнительную порцию высококалорийной кашки, запил её водичкой, десяток минут посидел, размышляя. И пришёл к выводу, что определить положение отсека на орбите Луны проще пареной репы. Для этого нужно задействовать всенаправленные лазерные уголкового отражатели. Начиная с первых лунных экспедиций «Аполлонов» и «Луноходов» они в обязательном порядке ставятся практически на всех космических аппаратах. Есть они и на внешней поверхности стыковочного отсека, и на всех модулях «Инолуса», и на конструкциях лунной базы «Селена». А в качестве источника излучения сгодится лазерный резак из ремонтной сумки на моём скафандре. Его только нужно максимально расфокусировать и закрепить около стекла одного из иллюминаторов.

Расчёт орбиты по отражённым лазерным сигналам и управление движением стыковочного отсека вполне по силам моей планшете. Нужно всего лишь соединить её с электронными клапанами системы выпуска азота, датчиками уголкового отражателей внутри отсека и лазерным резаком. И ещё требуется написать для планшетки управляющую программку — пустячную, я сотни таких накропал во время тренировок в Звёздном городке.

Цели были ясны, задачи определены, и мне ничего не оставалось, как заняться работой.

✱

Я загерметизировал скафандр, открыл люк торцевого стыковочного узла и, высунувшись по пояс в космос, аккуратно срезал юбку из фольги с грузовой рамы. Снова забравшись внутрь отсека, занялся кройкой и клейкой сопел.

Когда сопла были готовы, я прогулялся за борт и за четыре часа закрепил маленькие конусы сопел над отверстиями вдоль всего кольца для сброса отработанного газа.

Вернувшись из космоса, вскрыл ножницами обшивку внутри отсека и надёргал там и сям целый пучок незадействованных электропроводов. Соединил в единое целое компьютер, клапаны, лазерные уголко-вые отражатели, лучевой резак и радиопередатчик, демонтированный из моего скафандра. В довершение титанических усилий я написал программу управления для планшетки.

На всю эту суету вне и внутри моего отсека ушло почти трое суток. Я совершенно не замечал ни голода, ни жажды. Несколько раз ненадолго забывался в неглубоком сне, но почти сразу тревожно вскидывался и снова брался за работу.

Когда дело было окончено, я окинул отсек удовлетворённым взглядом. Теперь это был уже настоящий космический корабль: с двигателями, системами ориентации, управления и связи.

В моём далёком детстве была такая телепередача — «Очумелые ручки». В ней двое симпатичных ведущих из всякой всячины делали очень полезные вещи. Рассмеявшись, я тут же мысленно окрестил творение своих рук «Космолётом «Очумелые ручки»».

А потом легонько щёлкнул указательным пальцем по сенсору на компьютерной планшетке, запуская свой летательный аппарат.

Руководитель Российского космического агентства генерал-лейтенант Пётр Вадимович Стрельников пребывал в мрачном и подавленном настроении.

Последние надежды рухнули: космонавт Лев Зайчонок действительно погиб. Было уже совершенно несущественно, в какой момент это случилось — сразу после отрыва «Кентавра» от станции, после чего корабль из-за возникших перегрузок, видимо, просто разломился на две части, или позже, примерно через восемь-девять часов, когда в скафандре затерявшегося в космосе Зайчонка закончились необходимые для жизни ресурсы.

С лёгким перезвоном включился коммуникатор.

— Пётр Вадимович, на линии доктор Джереми Фейт из Хьюстона, — звонким голосом сообщил автосекретарь. — Просит срочную связь по закрытому каналу.

— Этому что ещё надо? — недовольно буркнул под нос Стрельников, но всё же распорядился:

— Соедини!

...Через десять минут, поговорив с Джереми Фейтом, генерал Стрельников вызвал к себе своего заместителя Котова:

— Николай, нужно сделать так, чтобы ровно в четырнадцать пятьдесят Бикешкин

и его замы — Туров, Скрынник и Янчук — сидели в своих кабинетах в одиночестве и у включённых мониторов системы глобальной связи. Скажи им, что будет секретная видеоконференция...

Четвёрка появилась на экране моей планшетки одновременно — в четырнадцать пятьдесят пять. Каждый в своём секторе.

— Привет, — сказала я как можно жизнерадостнее и широко улыбнулся. — Я рад, что застал тебя на месте. Найдёшь пару минут, чтобы поговорить об ампулах, из-за которых ты и затеял всю эту заварушку на «Инолусе»?

Я умеренно говорил так, как будто обращался только к одному человеку.

Реакция была предсказуемой. У всех четверых на лицах обозначилась крайняя степень изумления. Я их хорошо понимал: пилот Зайчонок появился на закрытом канале связи прямиком с того света.

А потом начались вариации... Трое округлили глаза и выразили радость и восторг. Четвёртый, напротив, нахмурил брови и злобно процедил:

— Ты всё ещё жив...

Мановением руки я смёл ликующую трицу с экрана.

— Как видишь!

— Ничего, это поправимо, — он пододвинул к себе клавиатуру и нервно забарабанил пальцами по сенсорам. — Придётся немного проветрить все отсеки «Инолуса». «Уэллс» с грузом вернётся на Землю и с мёртвой станции. Я уже попросил Астрид Йенсен забрать ампулу из твоей каюты и снова установить её в «Сплав».

Я выждал несколько секунд, наблюдая за его увлечённой работой, и осведомился:

— Собираешься запустить пакетный файл с командой на разгерметизацию, который ты заранее ввёл в систему управления станции? Как и те три команды, вызвавшие аварии на «Инолусе»...

— А ты был догадливым человеком, Зайчонок, — он зло ухмыльнулся, делая ударение на слове «был». — Пожалуй, я тебя немного недооценил.

— Ты мне льстишь, — я послал сквозь эфир ещё одну ослепительную улыбку в ответ на его комплимент. — Кстати, можешь не утруждать себя отправкой кодовых команд на борт станции. Ещё вчера Ночка по распоряжению из Хьюстона извлекла твой пакет из системы управления и заблокировала канал входной телеметрии для подмосковного ЦУПа. По моей просьбе, как ты, наверное, уже догадался... →

— Сволочь! — его глаза мгновенно остекленели, лицо исказила гримаса ненависти.

Я хлопнул ладонью по сенсорам планшетки, включая одновременно все каналы связи, и отчётливо и громко произнёс:

— Сергей Янчук, я обвиняю вас в промышленном шпионаже, нанесении умышленного вреда «Инолусу» и покушении на убийство!

*

— Пётр Вадимович, я требую немедленных объяснений! — лицо Бикешкина пылало негодованием. — Что за цирк вы с Зайчонок устроили на лунной станции?!

— Присаживайтесь, Игнат Фёдорович, — генерал махнул рукой в сторону кресел около стола. — От коньячка, надеюсь, не откажетесь?

— Вся эта история началась примерно год назад, — начал рассказ Стрельников, когда они выпили и Бикешкин уже умиротворённо расслабился. — К руководителям некой оборотистой фирмы на юге Европы попали материалы разработок одного известного учёного в области космического материаловедения. Этот учёный скоропостижно скончался при весьма странных обстоятельствах... Так вот, из тех разработок следовало, что после термического нагрева нескольких смешанных в определённой пропорции веществ можно вырастить кристаллы, которые в миллионы раз эффективнее собирают и передают энергию Солнца, чем существующие лучевые концентраторы. Правда, для этого нужно выращивать эти кристаллы в невесомости и вне воздействия магнитных полей и гравитационных возмущений. Наша установка «Сплав» идеально подходила для этих целей. Но Центр в Тулузе запросил у руководства фирмы за проведение работ более ста миллионов долларов. Доброхот Янчук взялся решить проблему всего лишь за десять миллионов.

— Негодяй! — ноздри Бикешкина раздулись от гнева. — Каков мерзавец!

Стрельников плеснул в рюмки ещё немного коньяка и продолжил:

— «Уэллс» с ампулами уже ушёл в полёт, когда Интерпол наконец-то сел на хвост руководителю той европейской фирмы — в их оперативных разработках он проходил под кличкой Фирмач. Но выяснить, с кем он контактировал в подмосковном Центре, никак не удавалось. Поэтому Интерпол попросил Лёву Зайчонок якобы случайно обнаружить одну из ампул. Европейские сыщики надеялись, что агент Фирмача в нашем ЦУПе забеспокоится и как-то себя проявит...

— Но никто не ожидал, что он проявит себя таким образом, да? — с язвительной усмешкой закончил Бикешкин. — Под угрозой оказалась жизнь всего экипажа лунной станции!

— Согласен, — генерал виновато опустил плечи. — Тут сыщики немного не додумали... Да и Янчук их перехитрил: он действительно запаниковал и вышел на связь с Фирмачём, однако вёл разговор, меняя голос с помощью специальной компьютерной программы. Но Зайчонок всё равно его переиграл. Вы знаете, что он за трое суток соорудил в стыковочном отсеке систему управления, газовые двигатели и радиопередатчик? Из подручных материалов, своими руками! Ну а потом связался с ЦУПом в Хьюстоне и с нашей помощью заставил Янчука раскрыться.

*

— Земля, даю старт системе, — Стелла Уилсон щёлкнула тумблером, и раструб концентратора выстрелил в сторону Луны тонкой и яркой солнечной нитью.

Прошёл всего месяц со дня, когда я достал злополучную ампулу из установки «Сплав». И вот снова выход в космос. Из уникальных кристаллов, полученных в космической плавке, мы смонтировали концентратор энергии. Внизу, на лунной базе «Селена», ребята сконструировали приёмник, который имитирует все препоны, ожидающие энергетический луч при прохождении земной атмосферы.

— Потеря мощности — полпроцента! — голос оператора с «Селены» звенит от радостного возбуждения. — Ребята, всего полпроцента потерь после прохождения атмосферы!

— Трофимыч, теперь не нужны тепловые и атомные электростанции, не будет больше Чернобылей и Фукусим... — Ночка в белоснежном скафандре неуклюже поворачивается в мою сторону. — Достаточно всего лишь одного стометрового зеркала на геостационаре, чтобы обеспечить электричеством весь земной шар! Лёва, мы только что подарили людям новый источник энергии! Новое Солнышко!

На стекло её гермошлема опущен тёмный светофильтр, но мне кажется, что я вижу широкую белоснежную улыбку Стеллы и её горящие восхищением глаза.

Мне сейчас не хочется думать, что уже завтра наверняка найдётся некто, кто захочет использовать солнечный концентратор совсем по-другому, чтобы держать под прицелом города, страны и целые континенты. Я знаю, что сделаю всё, чтобы этого не случилось.

Поэтому я улыбаюсь Стелле в ответ и киваю:

— Маленькое Солнце для всей Земли!